

М. И. АРТАМОНОВ

ТРЕТИЙ РАЗМЕННЫЙ КУРГАН У ст. КОСТРОМСКОЙ

Пятьдесят лет тому назад, в 1897 г., Н. И. Веселовский в числе других курганов раскопал пять насыпей из группы курганов, носящих название «Разменных» и находящихся на возвышенности в районе станции Костромской, в 12 верстах от последней (в 35 км от Майкопа). Этот год был одним из самых удачных в полевой деятельности знаменитого русского археолога: тогда им был исследован замечательнейший курган в г. Майкопе, а в группе «Разменных» курганов обнаружено древне-скифское погребение с массивной золотой нащитной фигурой оленя, представляющей самое совершенное и характерное из всех доныне известных произведений скифского искусства («костромской олень»). Из других курганов той же группы особого внимания заслуживает крайний, восточный, описанный в печатном отчете вторым (без №), а в рукописном, в соответствии с порядком раскопок, третьим.¹

Уже в печатном отчете обращено внимание на близкое родство погребения в этом кургане с Майкопским, с одной стороны, и отмечен мотив, сближающий его с первым Разменным, или Костромским, курганом, — с другой. Таким образом, III Разменный курган в первой же публикации был совершенно правильно поставлен между двумя характернейшими памятниками юга нашей страны, представляющими две культуры и, вместе с тем, две эпохи ее истории: медно-бронзовый век и скифский период.

Однако это чрезвычайно важное положение III Разменного кургана в ряду археологических памятников в дальнейших исследованиях, посвященных как проблеме медно-бронзового века в России, так и скифской культуре, осталось совершенно неучтенным; указание отчета игнорировали и ученые, занимавшиеся так наз. майкопскою культурою, и скифологи, что не могло не отразиться на решениях основных исследовательских проблем у тех и других. Причину недостаточного внимания к III Разменному кургану и недоучета его научного значения, как мне кажется, следует в первую очередь считать неполноту его публикации. При издании этого памятника не были воспроизведены и с достаточной отчетливостью описаны существеннейшие части его комплекса. К тому же, часть этого комплекса, переданного Археологической комиссией в Московский исторический музей, а именно керамика, оказалась утраченной, а следовательно недоступной для исследования *de visu*.

В Архиве Археологической комиссии сохранились некоторые данные, относящиеся к III Разменному кургану, не вошедшие в печатный отчет и остающиеся не известными большинству исследователей. Введение их в научный оборот и составляет главную цель данной статьи.

¹ ОАК, 1897, стр. 15—16. Дело АК 1896/204, лл. 59 об., 60.

Интересующий нас курган в рукописном отчете Н. И. Веселовского описан следующим образом: «Восточный, выс. 2 $\frac{1}{2}$ саж. В центре его находилась гробница, покрытая необделанными плитами, которые представляли свод: плиты от основания, заложенного в материке, были наложены одна на другую так, что края мало-помалу выступали вперед, образуя шатер. Сверху была положена большая плита (до 1 $\frac{3}{4}$ арш. дл. и 1 $\frac{1}{4}$ арш. шир.), другие были меньше. От тяжести насыпи свод обвалился, и гробница наполнилась землею. Самая могила была мало впущена в материк, всего с $\frac{1}{2}$ арш., и выложена бревнами, которые сильно сгнили. Могила имела 4-угольную, почти квадратную форму и расположена неправильно по отношению к странам света, с ЮВ на СЗ. Размеры ее в длину 3 ар. 12 в., в ширину 3 ар. 8 вер. Дно вымощено мелким булыжником и местами залито красной краской.

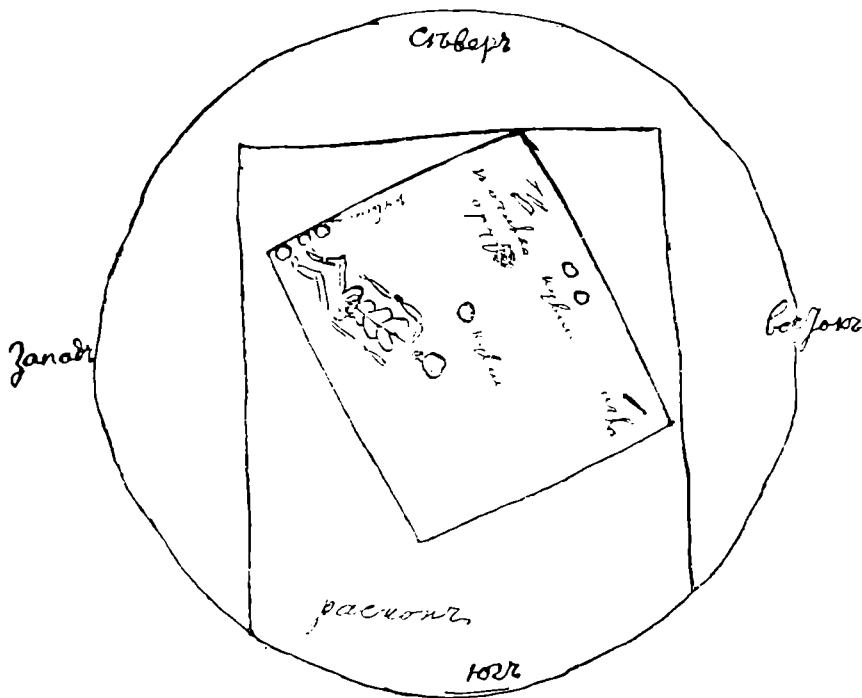

Рис. 1. План погребенія в III Разменном кургане (набросок Н. И. Веселовского).

Скелет лежал в согнутом положении в СЗ части могилы. У него на шее или на груди находились: белые бусы (№ 12)¹ и у плеча одна золотая спиральная серьга или застежка (№ 13). В ногах 3 глиняных горшка, раздавленные на мелкие части (№ 13-б, 13-в). У головы также находился один глиняный горшок (№ 13-г). В ЮВ углу медный стержень в виде иглы (№ 14), далее, у станы, еще два разбитых глиняных кувшина (14-а, 14-б), а в СВ углу находились 2 каменные точилки (№ 15), 2 медные копья (№ 16), медный топор (№ 17), пальстава (№ 18), кремневые стрелки (№ 19). В кургане находился перегнивший предмет, оказавшийся деревом». ² Кроме того добавлено, что «в насыпи этого кургана встретилось несколько человеческих костяков, без вещей и один был погребен в могиле, выложенной голышами, как в Майкопском кургане». Отчет сопровождается двумя рисунками пером: один представляет схему перекрытия могилы каменными плитами, а другой — план кургана с погребением (рис. 1).

¹ № по описи, приложенной к отчету.

² Дело 1896/204, л. 59 об.

Печатный отчет¹ кроме редакционно-стилистических изменений содержит некоторые весьма существенные дополнения, внесенные самим Н. И. Веселовским или же, возможно, с его слов А. А. Спицыным. Каменный свод, перекрывающий могилу, в печатном отчете назван «шатром»; добавлено, что плиты были небольшие и довольно тонкие, из местного известняка. Вместо краткого и невразумительного указания рукописного отчета на то, что могила была выложена бревнами, которые сильно сгнили, в печатном отчете с полной категоричностью говорится, что «стенки могилы были обложены деревом в виде сруба». Далее, здесь отмечаются остатки какой-то «деревянной перестилки», назначение которой определить не удалось. Судя по ссылке на Майкопский курган, где также были найдены следы «перестилки», речь, очевидно, идет о деревянном перекрытии могилы или «помосте».² В печатном отчете также добавлено, что цвет дерева в срубе был совершенно иной, чем у остатков перестилки, а именно «беловатый, а не темнокоричневый». Далее, в нем указано, что костяк лежал головой на ЮВ, чего нет в отчете рукописном, а также говорится, что костяк «густо был залит красною краскою», о чем в рукописном отчете также не упомянуто. В последнем значится, что дно могилы, выложенное мелким булыжником, местами было залито красной краской.

В печатном отчете настойчиво и планомерно проводится мысль о близости и сходстве III Разменного кургана с Майкопским: «разница заключается только в меньшем богатстве описываемого погребения».³ Но особенно важным является включенное в печатный отчет добавление, касающееся одного из сосудов, а именно глиняного горшка, найденного у головы скелета (№ 13-г). «Близ головы, — говорится в печатном отчете, — стоял большой сосуд (рис. 53),⁴ на котором заметны следы какого-то изображения, сделанного желтою краскою крупными точками. Ясно различался еще олень, с стилизованными рогами, лежавшими на его спине, как в золотом олене первого кургана (см. выше, стр. 13),⁵ возле него сильно пострадавший рисунок, напоминающий человеческую фигуру».⁶

В деле Археологической комиссии, но не в том, где вшит отчет Н. И. Веселовского о раскопках в районе ст. Костромской, а в другом, содержащем материалы о работах Веселовского на Кубани в 1898 г.,⁷ имеется акварельный рисунок представляющий вышеописанное изображение (рис. 2). По всей вероятности, оно было обнаружено при реставрации сосуда, найденного в черепках, и, судя по характеру рисунка, точно скопировано. Вот это-то изображение и является тем важнейшим, но до сих пор остававшимся не опубликованным и не привлечшим к себе внимания исследователей явлением, которое представляет в совершенно новом свете не только III Разменный курган, но и всю группу так наз. «больших курганов» Кубани, а в их числе и курган Майкопский, на сходство с которым III Разменного кургана столь настойчиво обращал внимание еще автор печатного отчета.

Принадлежность III Разменного кургана к группе памятников типа Майкоп — Царская, так наз. «больших кубанских курганов», является общепринятым положением археологической науки, не вызывавшим

¹ ОАК, 1897, стр. 15—18.

² ОАК, 1897, стр. 3.

³ ОАК, 1897, стр. 15.

⁴ Ссылка на рис. в ОАК, 1897.

⁵ Ссылка на ОАК, 1897.

⁶ ОАК, 1897, стр. 15—16.

⁷ АК, дело 1898/60.

никогда и ни с чьей стороны даже попыток к ревизии. Первый опыт периодизации медно-бронзового века Предкавказья, как известно, принадлежит перу А. В. Шмидта. Выделенная им «ранне-кубанская культура», наряду с курганами в Майкопе, Царской, Псебайской, Воздвиженской, Андрюковской и Келермесской, включает и III Разменный курган (Костромской).¹ Остается он в числе памятников «первого этапа металлургии», совпадающего в основном с «ранне-кубанской культурой» Шмидта и у А. А. Иессена,² и входит в число древнейших «княжеских могил» в последнем по времени издании венского археолога Ганчара.³

Отправным пунктом при датировке группы «больших кубанских курганов» всегда и для всех исследователей служили богатейшие погребения Майкопа и Царской, причем при всех попытках хронологического расчленения ее на подгруппы III Разменный курган оказывался вместе с Майкопским. А. В. Шмидт считал Царскую более ранним памятником, чем Майкоп; А. А. Иессен ставит эти памятники в прямо обратном хронологическом порядке.

По вопросу об абсолютной хронологии Майкопа и относящихся к его группе памятников существуют весьма различные мнения, хотя подавляющее большинство современных исследователей единодушно ставит его в самое начало медно-бронзового века на Северном Кавказе. В первой посвященной этому вопросу и солидно аргументированной сопоставлениями с памятниками Западной Европы, Средиземноморья и Передней Азии работе финского археолога А. М. Тальгрена дата «больших курганов» Предкавказья определяется временем около 2000 г до н. э.⁴ В дальнейшем А. М. Тальгрэн неоднократно возвращался к вопросу о датировке «больших курганов», причем, видимо под влиянием заметной тенденции к снижению дат в европейской археологии, в конце концов сбавляет древность Майкопа ровно на полутысячелетие, относя его к 1500 г до н. э.⁵ К тому же времени относил Майкоп Б. В. Фармаковский, основываясь на стилистическом анализе найденных в этом кургане изображений и возводя их к хеттской культуре.⁶ Огромную роль в углублении даты Майкопа сыграла статья М. И. Ростовцева, привлечшего для сопоставления с «большими курганами» древнейшие памятники Египта и Месопотамии и, в конце концов, определившего принадлежность Майкопа к III тыс. до н. э.⁷ Еще дальше в глубь времен, к IV тысячелетию, отнес Майкоп

¹ А. В. Schmidt. Die Kurganen der Staniza Konstantinovskava. ESA. IV 1929, стр. 21.

² А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120.

³ F. Hantke. Urgeschichte Kaukasiens von den Anfängen seiner Besiedlung bis in die Zeit seiner frühen Metallurgie. Wien-Leipzig, 1937. — Alaç-Höyük. Wiener Beiträge zur Kunst- und Kulturgeschichte Asiens, XII, 1938, стр. 25—38.

⁴ А. М. Tallgren. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. SMYA, Helsingfors, 1911, стр. 88—90 и 200—210.

⁵ А. М. Tallgren. Zur frühen Metallkultur Südrussland. Studien zur vorgeschichtliche Archäologie. Götzes Festschrift. Leipzig, 1925, стр. 16—20. — La Pontide précythique, ESA. II. 1926. — Zur Chronologie der osteuropäischen Bronzezeit. Mitt. der Arth-top Ges. In Wien., LXI, 1931, стр. 94—96. — Sur les monuments mégalithiques du Caucase occidental. ESA, IX, 1934, стр. 20—37.

⁶ Б. В. Фармаковский. Архаический период в России. II, Майкоп. МАР, XXXIV, СПб., 1914, стр. 50—76. Датировка Б. В. Фармаковского основана на сопоставлениях с памятниками Зенжирли, которые в его время относились к X в. до н. э., а ныне относятся только к VIII. См., напр.: Захаров. Хетты и хеттская культура. М.—Л., 1924, стр. 84.

⁷ M. Rostovzev. L'âge du cuivre au Caucase du Nord et les cultures de Sumer et de l'Égypte préhistorique. Revue archéologique, 1920, XII, стр. 1—37.

Г. Чайльд, а вслед за ним и ряд других западноевропейских археологов, со времени блестящих открытий в Месопотамии (в Уре), получивших новые отправные точки для установления хронологии памятников Северного Кавказа.¹ К раннему времени (3000—2500 лет до н. э.) отнес свою «ранне-кубанскую культуру» А. В. Шмидт (ук. соч.). А. А. Иессен с своей датировкой Майкопа концом III тысячелетия до н. э. занимает промежуточное положение между взглядами на этот вопрос Чайльда — Ростовцева — Шмидта, с одной стороны, и Тальгрена — Фармаковского, с другой.² Того же мнения придерживается Ганчар.³ Таким образом, в современной науке дата Майкопа и связывающихся с ним памятников ни в коем случае не может считаться прочно установленной и, как показано выше, колеблется на протяжении по крайней мере 2½ тысяч лет (от IV тысячелетия до середины II тысячелетия).

Нельзя не отметить, что при первом своем появлении в научном обороте Майкоп отнюдь не представлялся столь древним памятником, каким его определили археологи в последующее время; так, например, Я. И. Смирнов в кратком тексте к таблицам «Восточного серебра» писал: «В ожидании заключений занимающихся этим вопросом лиц, мы отнесли бы майкопские сосуды к VIII в. до Р. Х.».⁴ Примерно то же он повторяет и в другой своей посмертно изданной работе.⁵ В наши дни горячим сторонником пересмотра чрезмерно высокой даты Майкопа и вообще культуры «больших курганов» выступил безвременно скончавшийся во время блокады Ленинграда Б. Е. Деген-Ковалевский.⁶ По его убеждению, основанному на детальной проработке огромного материала, «культура больших курганов» не может быть отнесена ни к IV, ни к III, ни даже к середине II тысячелетия до н. э. Она никоим образом не представляет начальную, или хотя бы раннюю ступень северокавказского энеолита. Наоборот, по всем своим признакам эта культура характеризует «наивысшее развитие его социальных и материальных форм, вместе с широким развертыванием обменных и культурных связей», следовательно естественно, по мнению этого исследователя, рассматривать культуру «больших кубанских курганов» как завершающий этап северокавказского энеолита, подходящий к грани освоения бронзы и железа.⁷ Соответственно этому заключению и абсолютная дата «больших курганов» определяется им рубежом II и I тысячелетий до н. э. с возможностью разделения крайних памятников группы значительным промежутком времени.⁸

Цитируемая работа Б. Е. Деген-Ковалевского представляет собою краткое резюме доклада и не содержит развернутой аргументации выставленных им весьма ответственных положений. Большое исследование этого ученого, посвященное Майкопскому кургану и примыкающим к нему памятникам, остается неизданным. Ввиду этого весьма

¹ V. G. Childe. The Dawn of European Civilisation. Лондон, 1927, стр. 149. — С. Contenau. Les tombes royales d'Our et les découvertes dans le Caucase. Manuel d'Archéologie Orientale, III, Париж, 1931, стр. 156—75. — S. Przeworsky. Zagadnienie wplywon bliskiego wschodu. Swiatowit. т. XV, 1933, стр. 45—55. — Н. Frankfort. Archeology and the Sumerian Problem. Studies of oriental Civilisations, № 4, Чикаго, 1933, стр. 52.

² А. А. Иессен, ук. соч., а также Древнейшая металлургия Кавказа и ее роль в Передней Азии. Иранское искусство и археология. Лгр., 1938, стр. 94.

³ Urgeschichte Kaukasien, стр. 415. — Alača-Höyük, стр. 25—38.

⁴ Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, стр. 7.

⁵ Ахалгорийский клад. Тифлис, 1934, стр. 5.

⁶ Б. Е. Деген-Ковалевский. Проблема датировки «больших кубанских курганов». КС ИИМК, II, 1939, стр. 14—17.

⁷ Там же, стр. 16.

⁸ Там же, стр. 17.

трудно оценить степень обоснованности предложенной автором датировки конкретными аналогиями с более или менее датированными памятниками других культур и областей, а не только общими представлениями о ходе исторического процесса. Со всей отчетливостью об этом сказано в рецензии С. В. Киселева.¹ Впрочем, некоторые «конкретные» аналогии суммарно указаны Б. Е. Деген-Ковалевским даже в отмеченном выше резюме. В числе их значатся и «глиняные сосуды грушевидной формы», один из которых (курган № 3 у ст. Костромской) был украшен изображением оленя вполне «скифского» стиля.²

С. В. Киселев не может допустить, чтобы «такие специалисты по скифским памятникам, как Ростовцев и Фармаковский (не говоря уже о других), не подметили скифских черт в Майкопе».³ Действительно, ни тот, ни другой никаких элементов скифской культуры в Майкопе не находили, но зато «другие» прибавлены к их числу совершенно напрасно, огулом. Выше уже было указано, что крупнейший русский ученый, по своей эрудиции, тонкости наблюдения и исторической интуиции нисколько не уступавший ни Ростовцеву, ни Фармаковскому, а скорее даже превосходивший их во многих отношениях, Я. И. Смирнов, датировал Майкоп VIII веком до н. э., т. е., если не скифской, то непосредственно предшествующей ей эпохой. Другой замечательнейший русский археолог, основоположник целого ряда разделов нашей науки, немало сделавший в области скифологии и во всяком случае лучший знаток русских археологических материалов, А. А. Спицын, прямо указывал на то же самое сходство изображения оленя на сосуде из III Костромского (Разменного) кургана с оленем из скифского погребения в I Костромском кургане, которое несомненно имел в виду и Б. Е. Деген-Ковалевский в приведенном выше месте своей работы. По всей видимости переработка рукописного отчета Н. И. Веселовского о раскопках в Кубанской обл. для напечатания его в «Отчетах АК» была произведена А. А. Спицыным, а следовательно и добавления, отличающие печатный отчет от рукописного, которые были отмечены выше в отношении III Разменного (Костромского) кургана, принадлежат А. А. Спицыну, в том числе и замечание о сходстве изображения на сосуде из этого кургана с золотой фигурой оленя из I Костромского кургана. Но даже если автором этого замечания был не А. А. Спицын, а сам Н. И. Веселовский, указание С. В. Киселева на «других» под-
лежит существенному ограничению.

Сходство изображения на сосуде из III Разменного кургана, единодушно всеми специалистами по медно-бронзовому веку причисляемого к майкопскому кругу памятников, со скифскими произведениями искусства в самом деле «разительное». Невероятным это сходство могло представляться только вследствие того, что это изображение до сих пор оставалось неопубликованным, т. е. не известным подавляющему большинству археологов. Те же, кто знал о его существовании, были настолько подавлены авторитетом Ростовцева-Фармаковского и прочих высоких специалистов, что и помыслить не могли восстать против их определений, а следовательно, как говорит С. В. Киселев, выставить их «невеждами».⁴ Заслуга Б. Е. Деген-Ковалевского заключается в том, что он не побоялся это сделать. Моя задача в данном случае сводится к тому, чтобы подтвердить, что он имел для этого достаточные основания.

¹ ВДИ, 1940, № 2, стр. 136.

² Ук. соч., стр. 16.

³ ВДИ, вк. соч., стр. 136.

⁴ Ук. соч., стр. 136.

Кто и когда обнаружил изображения на одном из сосудов, найденных в III Разменном кургане у ст. Костромской, из дела Археологической комиссии не видно. В рукописном отчете Веселовского о них не говорится ни слова. По всей вероятности, «следы какого-то изображения, сделанного желтой краской» были замечены только по доставке черепков в Петербург, в Археологической комиссии, где добытые раскопками памятники поступали в опытные и бережные руки А. А. Спицына. После реставрации сосуда на нем оказалось возможным ясно различить оленя со стилизованными рогами и еще какую-то фигуру, которую автор печатного отчета принял за человеческую. Сосуд с изображениями, как и вся вообще керамика из III Разменного кургана, в настоящее время утрачен. На изданной в «Отчете» фотографии с реставрированного сосуда с изображением (рис. 53) никаких следов последнего не заметно. Таким образом, единственным документом, свидетельствующим о существовании изображения, является вышеуказанный акварельный рисунок, хранящийся в деле Археологической комиссии (1898/60). По всем признакам этот рисунок сделан рукою опытного рисовальщика и довольно точно передает уцелевшие на сосуде части изображения. Рисунок, видимо, снят при помощи кальки в натуральную величину и раскрашен в соответствии с оригиналом.

Сохранность изображения к моменту копирования была плохая. Фигуры уцелели лишь частично вследствие либо осыпания краски, либо образования пятен солей на поверхности сосуда, а возможно и благодаря утрате части черепков. Вследствие порчи изображение, действительно, на первый взгляд кажется сделанным «желтой краской крупными точками», как об этом говорится в «Отчете». На самом деле изображения были выполнены довольно широкими линиями, которые местами прослеживаются еще с полной отчетливостью, тогда как в других превратились в отдельные, не связывающиеся между собой пятна или точки.

Изображение состоит из двух обращенных одна к другой профильных фигур, причем правая от зрителя несомненно представляет оленя с большими откинутыми назад стилизованными рогами. От оленя сохранился контур большей части туловища, несколько поднимающегося по направлению к крупу, нижнее очертание шеи и части головы, расположенных почти по одной линии и притом резко поднятых вверх почти перпендикулярно к туловищу. Далее, уцелели контуры верхней части (бедро) одной из передних ног, очевидно, левой, отходящей назад и образующей продолжение вниз линии, по которой построены шея и голова животного. О том, что это животное представляет оленя, с полной наглядностью свидетельствуют остатки изображения его рогов, собственно говоря одного рога, находящиеся сзади головы и довольно высоко над спиной. Сохранились контуры трех стилизованных в виде завитков отростков, расположенных вдоль передней части рога; имеются следы других таких же отростков, а также первого от головы отростка, направленного вперед. Внутри контуров туловища и на месте шеи беспорядочно разбросаны пятна краски разной величины, которые, к сожалению, не дают представления о системе заполнения фигуры, но, поскольку контуры четко отделяются от заполнения, ясно, что оно не было сплошной закраской.

Вторая фигура, которая автору «Отчета» напомнила человека, несомненно представляет также животное, поставленное напротив первого, притом в строго симметричном по отношению к нему построении. Вполне определенно распознаются шея, крыло и передние ноги, особенно правая, несколько отставленная назад и заканчивающаяся когтями. Правая нога или лапа и шея этой фигуры так же, как и у оленя,

построены по одной линии. Указанные внутренние линии построения передней части каждой из фигур образуют стороны равнобедренного треугольника, в вершине которого соприкасались, к сожалению, не сохранившиеся головы животных; внутренность же треугольника заполнена их выставленными вперед конечностями, сохранившимися не одинаково. Лучше, чем направленная вперед правая нога оленя, прослеживается левая нога другого животного: ясно различимы несколько выступающее бедро и вытянутая почти горизонтально лапа, соприкасающаяся со следами нижней части ноги оленя. Эта последняя также была согнута в колене, но от туловища здесь выступало бедро, голень же почти вертикально опускалась от колена книзу как раз посередине треугольника, образованного передними контурами фигур животных, не доходя до его основания. Рогам оленя соответствуют у левой фигуры довольно ясные следы крыла, начинающегося у бедра правой лапы и крутым изгибом поднимающегося вверх над туловищем. Заполнение фигуры и здесь сохранилось плохо, однако, в основании шеи можно различить ряды перекрещивающихся в виде решетки линий, видимо передающих чешуйчатое покрытие этой части туловища (оперение). Крыло в сочетании с лапой хищника свидетельствует, что здесь мы имеем дело с изображением не человека и не реального, а фантастического животного типа грифона. Судя по характеру изгиба левой лапы, можно было бы полагать, что крылатая фигура представляла собою хищную птицу, но этому противоречат другие детали изображения (очертания правой лапы), а в особенности общий характер построения композиции, требующей слева такого же рода фигуры с длинным туловищем, какая находится справа.

Композиция в целом представляет сцену борьбы зверей или точнее терзания одного животного другим, столь хорошо известную в скифском, переднеазиатском и греко-ионийском искусстве. В целом виде (рис. 3) она изображала крылатого, с когтистыми передними лапами четвероногого хищника, грифона, впившегося клювом в морду оленя, а левой лапой вцепившегося в ногу последнего. Олень с высоко поднятой головой был изображен упавшим на колено левой передней ноги, с другой передней ногой, охваченной лапой хищника. Такое положение оленя определяется, между прочим, из учета основания композиции, которое дано местоположением правой стоящей лапы грифона. При строгости построения композиции в целом невозможно допустить, что левая, направленная книзу, нога оленя опускалась за линию основания, а так как расстояние между туловищем оленя и основанием слишком узко, чтобы в нем могла поместиться вытянутая во всю длину нога этого животного, то необходимо признать, что она была согнута в колене. Задние части туловищ обоих животных не сохранились, но, судя по поднимающемуся к крупу туловищу оленя и по строгой симметричности построения уцелевших частей композиции, надо полагать, что задние ноги обеих фигур были представлены во всю их длину, должно быть, как это встречается в других сходных изображениях, в положении шага.

В «корочках» А. А. Спицына¹ имеется схематический рисунок сосуда с росписью из III Разменного кургана. Изображения на нем показаны в верхней конусовидной части сосуда (на горле), там же, где расположены резные изображения на сходном сосуде из Нальчика, о котором речь будет ниже.² Размеры окружности горла у сосуда из III Разменного кургана точно неизвестны, но, исходя из данных о его высоте

¹ А. К. 5/309, л. 81.

² Ср. А. А. Иессен. Северо-кавказские сосуды с изображением оленя. СГАИМК, 1931, № 2, стр. 16 и 17.

Рис. 2. Акварельная копия рисунка на сосуде из III Разменного кургана.

Рис. 3. Сцена тврзання на сосуде из III Разменного кургана (реконструкция автора).

и ширине в целом, сохранившихся в «корочках» А. А. Спицына, и из масштаба, указанного при воспроизведении его в Отчете АК, можно вычислить, что окружность середины верхней конусообразной части этого сосуда равнялась приблизительно 0.76—0.77 м. Определяя ширину вышеописанной композиции из двух животных в полном виде в 0.35 м, следует заключить, что она не могла занять всей окружности даже этой, наиболее узкой части сосуда. Здесь могло поместиться две таких композиции. Сколько их было в действительности, остается неизвестным, как не известно и то: повторялась ли она в остающейся части фриза или эта часть была занята другими изображениями. Как бы то ни было, мы несомненно имеем дело не с случайным, примитивным рисунком на горшке, а с выработанной «вазовой живописью», характеризующейся строгими по построению композициями так наз. «звериного стиля».

Композиция на сосуде из III Разменного кургана без сомнения представляет не жанровую «охотничью» сценку, а религиозно-культурный образ с большой смысловой нагрузкой. Мы в данном случае не будем останавливаться на раскрытии его содержания, тем более, что несколько весьма существенных замечаний по этому вопросу было уже высказано И. И. Мещаниновым.¹ Ясное дело, что в таком образе не может быть места случайности: все, начиная от строгого, подчиненного принципу симметричного равновесия и поэтому иератически неподвижного построения сцены, до мельчайших деталей, характеризующих то или другое животное, обусловлено долгой традицией. Это не реалистический набросок с натуры, не импрессионистическая передача живого впечатления действительности, а отвлеченный образ, закованный в крепкую, обязательную для художника схему. Уже одно это исключает возможность появления рассматриваемой композиции *ad hoc*.

В скифских памятниках Причерноморья и Сибири сцены борьбы зверей известны в довольно большом количестве. Древнейшая композиция этого рода помещена среди фигур отдельных животных на стенке золотой чаши из Келермеса,² но она существеннейшим образом отличается от рассматриваемой. Там мы имеем настоящую «охотничью» реалистическую сцену, представляющую льва, впившегося в холку настигнутого им и прижатого к земле козла. Сходная сцена имеется в одном из секторов келермесского зеркала, где изображен также лев, но повергающий уже не козла, а быка и притом набросившийся на последнего не сзади, а спереди.³ Подобного рода композиции известны в греко-ионийском искусстве,⁴ а также встречаются и в современных с ним и более ранних памятниках древнего Востока. В качестве примера можно указать персепольский рельеф, представляющий льва, нападающего на быка, и на ассирийские печати с изображением льва же, нападающего на газель или даже на оленя,⁵ являющиеся непосредственными предшественниками и образцами греческих и греко-персидских изображений. Наряду с этими жанровыми или переходящими в жанр сценами в древневосточном искусстве известны композиции с борьбой или точнее терзанием зверей, культовое значение которых более очевидно. Это в первую очередь композиции с Мардуком, Гильгамешем или другим богом или героем, поражающим злое начало в виде

¹ И. И. Мещанинов. О применении лингвистического материала при исследовании вещественных памятников. СГАИМК, 1932, № 1—2, стр. 6—12.

² Восточное серебро, табл. CXI, 278.

³ Г. И. Боровка. Бронзовый олень из Ульского кургана. ИРАИМК, т. II, 1922, стр. 201, рис. 9.

⁴ Г. И. Боровка, ук. соч.

⁵ Sarre. Die Kunst des Alten Persien. Берлин, 1923, табл. 21. — O. Weber. Altorientalische Siegelbilder, т. 2. Лейпциг, 1920, №№ 356, 357.

реального или фантастического животного, и сцены борьбы зверей, являющиеся дериватами таких композиций. Среди них мне не известно ни одной, которая бы по формальным признакам совпадала с изображением на сосуде из III Разменного кургана, но по общему характеру и по отдельным элементам она явно примыкает к памятникам религиозного искусства древнего Востока.

На золотой пластинке из Ульского кургана, датированного черно-фигурной вазой первой половиной VI в., представлена сцена терзания поверженной лани двумя грифонами. Позади одного из грифонов (справа) изображен бегущий олень.¹ Это произведение со всеми его признаками грубого, неумелого исполнения, ближе всех других образцов ранне-скифского искусства стоит к изображению на сосуде из Разменного кургана. Строго симметричное построение композиции терзания, положение жертвы, позы хищников — все это напоминает изображение на сосуде, хотя в подробностях между сравниваемыми произведениями, конечно, много различий. В данной связи оно для нас важно как доказательство наличия в ранне-скифском искусстве не только «охотничьих сцен», но и иератических композиций того же рода, как и представленная на сосуде Разменного кургана.

Образ фантастического крылатого животного, грифона, безусловно восточного происхождения. Хотя фигура крылатого хищника в изображении на сосуде сохранилась весьма плохо, тем не менее едва ли можно сомневаться, что она представляет именно грифона — четвероногое животное с крыльями и с орлиной головой на длинной шее — такого же, как на пластинке из Ульского кургана. Образ такого фантастического зверя встречается уже на печати знаменитого «царя» Лагаша Гудеа² и потом в ряде вариантов неоднократно повторяется на других переднеазиатских печатях. В таком виде изображалась Тиамат, воплощение хаоса и тьмы в вавилонской космогонии (на рельефе из Нимруда).³ В вавилонском сказании о мироздании говорится, что, решившись на борьбу с богами, Тиамат создала чудовищ: змей, драконов, псов, человеко-скорпионов, рыбо-людей, которые должны были помогать ей⁴ и которых, видимо, представляют некоторые фантастические образы переднеазиатского искусства. Отсюда образы фантастических существ, в том числе и грифона, перешли в греческое искусство, а также и в искусство скифов.

Б. Б. Пиотровский с большой убедительностью показал, что источником восточного влияния в Северном Причерноморье было Урартское царство, владения которого распространялись на часть Закавказья. Ряд находок свидетельствует о давних связях с Закавказьем даже далекого от него Приднепровья. В числе их в первую очередь надо, конечно, назвать типичный закавказский бронзовый пояс, найденный в Подгорцах близ Киева.⁵ Но наиболее яркие доказательства связей Скифии и Урарту представляют вещи Келермесского и Мельгуновского курганов, в особенности найденные в том и другом роскошные, обложенные золотом мечи, весьма близко сходные между собой, несмотря на большое расстояние, разделяющее обе эти находки.⁶ «Было бы неверным считать эти золотые ножны урартскими изделиями, случайно попавшими в Скифию, — замечает Б. Б. Пиотровский. — На

¹ ОАК. 1898, стр. 30, р. 42.

² Bruno Weisser. Grundzüge der altbabylonischen Plastik. Лейпциг. 1915, рис. 69.

³ Contenau. Manuel d'Archéologie Orientale. т. I. Париж. 1927, стр. 185, рис. 111.

⁴ Тураев. История древнего Востока, т. II. ОГИЗ, 1935, стр. 124.

⁵ Петров. Альбом достопримечательностей, вып. IV—V, табл. II.

⁶ Б. Б. Пиотровский. Урарту, древнейшее государство Закавказья. Л., 1939, табл. 33, 34. — Придик. Мельгуновский клад. МАР, № 31, табл. III—IV.

них наряду с изображениями явно древневосточного характера имеются декоративные элементы несомненно скифского стиля (фигура оленя и орнамент из сильно стилизованных птичьих голов на боковом выступе, представляющем тот же золотой лист, что покрывает и самые ножны)». ¹ Поэтому цитируемый автор считает эти мечи с их обложенными золотом ножами или сделанными скифами под влиянием образцов урартского происхождения или же изготовленными для скифов в кавказских районах, где урартская культура была еще жива. ²

Однако в ранних скифских памятниках, наряду с древневосточными, прослеживаются и греко-ионийские влияния. Г. И. Боровка отметил близкое родство некоторых мотивов и форм в скифских памятниках с греко-ионийским искусством и, принимая во внимание их переплетение с туземными, скифскими формами, пришел к заключению, что хотя они и изготовлялись греческими мастерами, но в скифской среде, как он полагал, в Фанагории. ³ Б. Б. Пиотровский также не отрицает греческого происхождения таких предметов, как, например, зеркало из Келермеса, но считает, что они попадали на Северный Кавказ через Закавказье, так как Урарту было тесно связано с Ионией. ⁴

Таким образом, оба исследователя полагают, что наиболее прекрасные скифские памятники являются произведениями не туземных, а иностранных мастеров, хотя и работавших с учетом потребностей своих заказчиков и с использованием мотивов собственно скифского искусства.

Вопрос о смешении в скифском искусстве мотивов и форм местного и иноземного происхождения нас здесь интересует только в связи с изображениями на сосуде из III Разменного кургана. Бесспорно, что грифон на этом сосуде не местное изобретение. Он ведет свое родословие с Востока. Но когда и каким образом он попал в туземную северокавказскую среду? Среди памятников урартского искусства нет аналогий ни для фигуры грифона, ни для композиции в целом, как она дана на рассматриваемом сосуде. К тому же и стилистические признаки плохо сохранившегося и примитивного по исполнению изображения на сосуде III Разменного кургана не настолько ясно выражены, чтобы его можно было признать памятником урартского или греческого влияния. Форма крыла грифона, которая в этом отношении, а особенно для определения хронологии изображения, могла бы сыграть решающую роль, в очень важных своих подробностях остается, к сожалению, неизвестной.

Для архаического греческого искусства (VII — VI вв.) характерно крыло с загибающимся вперед верхним концом. Такими крыльями снабжены все крылатые персонажи келермесского зеркала. На ульской пластине со сценой терзания крыло грифона иной формы, более соответствующей древневосточным примерам этого мотива. Судя по расположению сохранившихся частей крыла грифона на сосуде Разменного кургана, оно ближе соответствовало крылу ульского изображения, чем греко-ионийским образцам, т. е. по своему построению было более архаичным.

Обратимся теперь ко второму члену композиции на сосуде — к оленю. Олень является одним из распространеннейших и характернейших мотивов скифского искусства. Чаще всего встречается изображение лежащего оленя с вытянутой вперед головой, блестящий образец которого представляет нащитная бляха I Костромского кургана:

¹ Б. Б. Пиотровский, ук. соч., стр. 54.

² Там же.

³ ИРАИМК, т. II, стр. 202—203.

⁴ Ук. соч., стр. 55.

Имеется целый ряд вариантов того же самого мотива: лежащий олень с поднятой или, наоборот, с опущенной головой, олень с головой повернутой назад, наконец, стоящий олень также иногда с повернутой назад головой. Олень в положении, близком к тому, в каком он представлен на сосуде из Разменного кургана, встречается редко. Лучший и древнейший образец такого рода положения дает бронзовый штамп для изготовления украшений звериного стиля, найденный в Гарчиново в Северной Болгарии на землях древней Фракии. В числе других изображений здесь имеется павший на переднюю ногу олень с повернутой назад головой, увенчанной большими рогами.¹ В том же положении представлен олень, найденный в Zöldhalompusztá в Венгрии.² Нет сомнения, что изображения этого рода, хотя и одиночные, восходят к композиции, в которой олень составлял часть сцены вроде той, какую мы видим на сосуде из Разменного кургана или в несравненно более живых и реалистических формах в памятниках греко-скифского искусства, например, на браслете из Куль-Обы или на Чертомлыцкой вазе.³

Наиболее своеобразным и неповторимым признаком многих скифских изображений оленя является трактовка его рогов в виде ряда S-видных завитков. Орнаментально стилизованные рога появляются во вполне выработанном виде уже у древнейших оленей в скифском искусстве, таких, как олень Костромского кургана или многочисленные изображения оленей в Келермесе. Вне скифского искусства такая стилизация рогов нигде не известна; по этому признаку олень на сосуде Разменного кургана крепко, неразрывно связывается именно со скифским искусством и никаким другим.

Древний Восток знал оленя, и в сценах терзания он встречается уже на древнейших образцах шумерского искусства, как, например, на вазе Энтемены, но нигде, ни в одном случае в древневосточных изображениях этого животного нет рогов, стилизованных хотя бы с отдаленным сходством со скифскими памятниками. Нет такой стилизации и в произведениях греческой архаики, не говоря уже о более позднем греческом искусстве. Олень, терзаемый пантерой на известной вазе Франсуа,⁴ представленный в позе, весьма близкой к изображению на сосуде из Разменного кургана, увенчан парой рогов, стилизация которых не имеет ничего общего со скифской.

Скифское искусство декоративное, связанное с вещью определенного назначения и формы и поэтому ограниченное в отношении пространства и свободы композиции. Отсюда его изумительная изобретательность в использовании пространства. Но, что особенно важно для уяснения его характера, так это то, что оно широко пользовалось деревом. В погребениях Алтая, в условиях вечной мерзлоты, хорошо сохранились резные деревянные украшения. На некоторых из них уцелела позолота. В других случаях, не столь благоприятствующих сохранению дерева, находят тонкие золотые пластинки, покрывавшие деревянную основу. Все это доказывает, что в скифском обществе наряду с массивными изделиями, литыми из золота или бронзы, были в ходу украшения из позолоченного дерева, чем и объясняется, что приемы резьбы по дереву легли в основу стилизации, проникли в чисто металлические изделия и в значительной степени определили стилистические особенности скифского искусства. Именно в резьбе по дереву мог выработаться тот тип стилизации рогов, какой мы находим и у сохранившегося все признаки своего деревянного образца литого из золота

¹ *Archeologia Hungarica*, XV.

² *Archeologia Hungarica*, III.

³ Русские древности. II, рис. 72, 116.

⁴ *Furtwängler-Reichhold, Griechische Vasenmalerei*. I. T. 3.

оленья из I Костромского кургана и у исполненного росписью оленя на сосуде из III Раздольного кургана у ст. Костромской. Следовательно, ко времени создания последнего скифское искусство в его характерных стилистических признаках уже существовало и формы свойственной ему стилизации определяли произведения любой изобразительной техники, в том числе и живописной.

Можно пойти еще дальше, а именно признать, что главным мотивом туземного изобразительного искусства, по крайней мере в северном Предкавказье, в ранне-скифскую эпоху был именно олень. За это говорит тот факт, что в таких произведениях, как обкладки мечей из Келермеса и Мельгуновского клада, где олень сочетается с другими персонажами так наз. звериного стиля, именно он сохраняет признаки скифской стилизации, тогда как многие другие изображения не только по своему содержанию, но и по стилю связываются с памятниками древневосточного и специально урартского искусства. Признаки скифской стилизации даже в таких произведениях, как зеркало или чаша с изображениями животных из Келермеса, свидетельствуют о местном производстве древнейших памятников скифской культуры, причем в распоряжении мастеров при этом был богатый ассортимент форм не только местного, но и восточного и даже греко-ионийского происхождения. Но раньше, чем последние стали проникать в скифскую среду, искусство Северного Предкавказья, надо думать, слагалось только из двух компонентов, т. е. древневосточного и туземного.

В ранних скифских памятниках Северного Кавказа изредка встречаются изображения оленей, рога которых не имеют той характерной стилизации, о которой речь шла выше. Так, например, на круглой золотой пластине из Келермеса, где фигура оленя повторена 4 раза, рога у него ветвистые с острыми отростками, более реалистические, чем у вышеуказанных экземпляров. Это, конечно, тоже стилизация, но стилизация иного рода. Тот же тип рогов представлен изображениями оленей на северо-кавказской инкрустированной керамике.

В предвоенные годы на Северном Кавказе выявилась группа архаическо-скифской керамики, а в ее составе оказались сосуды с врезанными изображениями оленей.¹ А. А. Иессен, рассматривая эти изображения, уже отметил «характерную трактовку бедра в виде резко отграниченного от туловища полукруга, снабженного в середине кружком» и то «что эта черта, неизвестная в многочисленных изображениях оленей Кобанской и Закавказской культур примерно той же эпохи, связывает наши изображения с т. н. скифо-сибирским звериным стилем, где бедро постоянно выделяется резкой гранью. Также и рога находят аналогичную трактовку не в искусстве Кавказа, а в скифо-сибирском». ² Вместе с тем А. А. Иессен не обошел одной замечательной особенностью изображений оленей на сосуде из Нальчика, в общем представляющих те же стилистические черты, а именно «стилизации морды животного, изображенной с широко-раскрытыми и отогнутыми губами», чрезвычайно часто «применяемой как в кругу Кобанской культуры, так и в Закавказье». ³ Следует, однако, заметить, что в действительности особенность стилизации не ограничивается только широко раскрытыми губами. Здесь мы имеем также черту, уже отмеченную А. А. Миллером в изображениях собак на прорезных пластин-

¹ А. А. Иессен. Северо-кавказские сосуды с изображением оленя. СГАИМК, 1931, № 2, стр. 14—18. — Он же. Моздокский могильник в ряду памятников Сев. Кавказа. Археол. экспедиции Гос. Эрмитажа, вып. I, Моздокский могильник, Л., 1940, стр. 31—44.

² Ук. соч., СГАИМК, 1931, № 2, стр. 16.

³ Там же, стр. 17.

ках Казбекского клада и на одной из ажурных бронзовых закавказских пряжек.¹ Речь идет о «некотором угловатом расширении» или выступе, которым заканчивается морда внизу к шее. Количество примеров этого рода стилизации, приведенное А. А. Миллером, можно увеличить. В Казбекском клада она имеется не только у фигур на прорезных пластинках, но и у большой бронзовой привески в виде оленя с ветвистыми рогами.² Далее, такое же расширение внизу морды встречается не только у собак, но и у оленей в закавказских ажурных бляхах³ и, наконец, оно характерно для пряжек в виде лежащих оленей из погребений в колодцах Кобанского могильника.⁴ Особенно любопытны последние, и по другим признакам находящиеся в ближайшем стилистическом родстве с гравированными оленями северокавказской керамики. По контуру кобанских оленей протянут псевдошнуровой пояс, который нельзя не сопоставить с шнуровыми линиями вдоль шеи оленя на обломке сосуда из Моздока и с системой заполнения фигур оленя на сосуде из Ставрополя.⁵ Шнуровые пояски, встречающиеся в разделке некоторых скифских изображений, напр. в особенно яркой форме у оленя из *Tarjoszent-Márton*'а в Венгрии,⁶ возможно, следует возводить к технике матерчатой аппликации, а следовательно надо учитывать возможность воздействия на формы изображений, на скифский стиль и с этой стороны. Ажурные плоские кобанские и казбекские бляхи в виде оленей или собак, живо напоминающие ажурные же бляхи из скифского кургана в Елизаветинской станице на Кубани,⁷ как будто подтверждают такую возможность и вместе с тем свидетельствуют о тесной связи скифского искусства с искусством горного Кавказа. Во всяком случае, нет сомнения, что произведения звериного стиля изготовлялись не только из металла, но и из более дешевых и распространенных материалов: дерева, войлока, кожи и т. п., которые сохраняются только в исключительных случаях, причем, как мы видели, именно в этих наиболее широко распространенных материалах вырабатывались основные признаки «скифского» звериного стиля. Отсюда следует, что время появления металлических произведений скифского искусства еще не определяет даты его возникновения. Раньше, чем был изготовлен золотой олень из Костромского кургана, скифское искусство могло и должно было пройти долгий путь, на котором и определились его характерные признаки, столь ярко воплощенные в этом замечательном памятнике. Роспись на сосуде из III Разменного кургана убедительно свидетельствует, что начало этого процесса восходит еще к медно-бронзовому веку, ибо в принадлежности этого кургана именно к этой категории археологической периодизации едва ли могут быть сомнения.

Значит ли это, что III Разменный курган вместе с другими «большими курганами» Прикубанья следует относить к IV, III или по меньшей мере к середине II тысячелетия до н. э., как это принято в современной археологической науке? Ни в коем случае. Роспись на сосуде Разменного кургана представляет скифский звериный стиль уже во вполне оформившемся виде, в том самом, в каком он известен по типичнейшим памятникам скифского искусства. Уже по одному этому хронологическое расстояние между Келермесом и I Костромским кур-

¹ А. А. Миллер. Изображение собаки в древностях Кавказа. ИРАИМК, т. II, стр. 303—34, рис. 12, табл. XXIX, 2.

² МАК, VIII, табл. LXIX, 1.

³ МАК, VIII, рис. 276 и табл. СXXXIV, 3. 4.

⁴ Там же, табл. XVIII, 4—5.

⁵ Моздокский могильник, табл. XII, 1. — СГАИМК, ук. соч., рис. на стр. 15.

⁶ Fettich. Arch. Ertes. 1927.

⁷ G. Boroffka. Kunstgewerbe der Skythen, стр. 137, рис. 3—5.

ганами, с одной стороны, и III Разменным, с другой, не может быть очень значительным. Если названные скифские курганы датируются VI веком до н. э., то Разменный курган, принимая во внимание общую длительность скифской культуры и известные нам темпы и главные линии развития скифского искусства, невозможно относить глубже VII, может быть VIII столетия до н. э. Это заключение подтверждается и сопоставлением керамики.

Сосуд из III Разменного кургана, на котором были обнаружены вышерассмотренные изображения, принадлежит к типу большой «корчаги», характерной для керамики ранне-скифского периода не только на Северном Кавказе, но и в Поднепровье. Прекрасный образец сосуда этого типа был найден в кургане № 1 Моздокского могильника. Здесь в большой яме находились скелеты лошади и человека. Последний лежал в скорченном положении. В головах его помещались два сосуда — один большой, черный, интересующего нас типа, а другой в виде чашки с резным орнаментом, заполненной белой массой.¹ Сходные сосуды обнаружены в том же могильнике в кургане № 2² и в погребении № 1 на месте карьера.³ Моздокские сосуды имеют пропорции, весьма близкие к корчаге из Разменного кургана, — такое же раздутое брюшко, причем наибольшая ширина у некоторых из этих сосудов, как и у корчаги, приходится на нижнюю половину высоты, тогда как у других поднимается к середине. Соответственно с этим у первого варианта моздокских сосудов верхняя часть, как и у сосуда из Разменного кургана, высокая, конусовидная, заметно отчлененная от выпуклости брюшка и заканчивается наверху узким, сильно отогнутым воронковидным венчиком. В отличие от характерного угловатого отгиба венчика у сосуда из Разменного кургана отгиб венчика у моздокских сосудов более плавный, закругленный, зато брюшко, наоборот, у некоторых экземпляров приобретает угловатые очертания, а у того же типа сосуда из Ставрополя даже особо выделено и обработано орнаментальными мотивами.⁴ Типологическое сопоставление сосудов из Моздокского могильника и примыкающих к ним других этого рода находок в Северном Кавказе (включая сюда и сосуды с гравированными изображениями оленей) с корчагой из III Разменного кургана не оставляет места сомнению в их генетической связи, причем последняя форма явно становится на первое место эволюционного ряда (рис. 4). Очевидно, что число посредствующих звеньев между разменным и моздокскими сосудами не могло быть велико, ибо, по сути дела, в сосуде Разменного кургана налицо все основные признаки ранне-скифской корчаги, как она выступает в находках из Моздока. Следовательно, не мог быть значительным и хронологический промежуток, разделяющий эти разновидности одного и того же типа сосудов. А. А. Иессен вполне обоснованно датирует скифские погребения Моздокского могильника VI в.,⁵ что, как мне кажется, подтверждает возможность указанной выше даты III Разменного кургана.

Рассмотрение керамики приводит и еще к одному важному заключению, а именно, что при всей бесспорности принадлежности Разменного кургана к Майкопской группе, между ним и Майкопским курганом должна существовать значительная хронологическая разница. В самом деле, сходный по назначению большой глиняный «пифос» Майкопского кургана еще не представляет, подобно корчаге из Разменного

¹ Моздокский могильник, стр. 11—13, рис. 4, табл. VII и VI, 3.

² Там же, табл. III, 2.

³ Там же, табл. III, 1.

⁴ СГАИМК, 1931, № 2, стр. 15.

⁵ Моздокский могильник, стр. 49.

кургана, признаков, характерных для скифской керамики. Он нерасчлененной овальной формы со слегка отогнутым низким венчиком.¹ Тем не менее, именно эту форму естественнее всего поставить в начале того эволюционно-типологического ряда, звеньями которого являются корчаги Разменного и Моздокского курганов, причем незаполненный промежуток между майкопским пифосом и корчагой из Разменного кургана явно больше, чем между последней и сосудами из Моздока (рис. 4). Другим доводом в пользу значительного хронологического промежутка между Майкопом и Разменным курганом может служить тот факт, что изображения зверей на серебряных сосудах из Майкопа не имеют ничего общего со скифским «звериным стилем», который в Разменном кургане, как уже отмечалось, выступает во вполне выработанном виде. Само собой разумеется, что хронологический промежуток, о котором идет речь, измеряется не тысячелетиями и Майкоп нельзя относить не только в IV, но даже в III тысячелетие до н. э. Этот памятник, как и Разменный курган, характеризует «предскифскую» эпоху на Северном Кавказе, которую вполне уместно

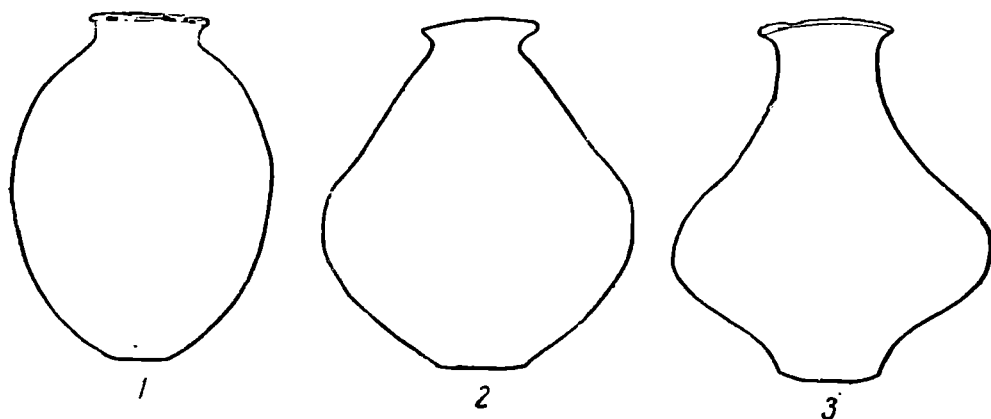

Рис. 4. Эволюция скифской «корчаги».

1 — пифос из Майкопского кургана; 2 — сосуд с росписью из III Разменного кургана; 3 — корчага из I Моздокского кургана.

было бы назвать «Киммерийской» и не только потому, что античная литературная традиция указывает киммерийцев в качестве непосредственных предшественников скифов в Северном Причерноморье, а ввиду того, что Прикубанье, где сосредоточены «большие курганы», было вероятно центром исторических киммерийцев, память о которых долго жила на берегах тесно связанного с Кубанью и географически и исторически нынешнего Керченского пролива, где древние греки могли столкнуться с ними при своих первоначальных торгово-разбойничьих экспедициях в Черное море.

Нам остается рассмотреть остальную инвентарь погребения с росписным сосудом в III Разменном кургане, чтобы убедиться, что в его составе нет ничего, что опровергало бы или даже только противоречило вышеизложенным заключениям.

Прежде всего несколько слов о керамике. Как сказано, сосуды, склеенные из собранных в могиле черепков и воспроизведенные в «Отчете», до нас не дошли. В документах Археологической комиссии они значатся переданными Историческому музею в Москве, но в коллекциях этого музея они не обнаружены. Поэтому к данным печатного отчета я могу здесь добавить только немногие сведения об этих сосудах, имеющиеся в известных «корочках»² А. А. Спицына, который, как

¹ ОАК, 1897, стр. 11, рис. 41.

² Корочка № 309.

известно, тщательно регистрировал для себя весь археологический материал, проходивший через его руки. Относительно сосуда с изображением, находившегося в головах скелета, здесь имеется отметка, что глина у него темносерая, поверхность гладкая, высота 52 см, диаметр 43 см, диаметр горла 18 см. В описи в деле Археологической комиссии он значится под № 13 г, а в «Отчете» издан на рис. 53.

Сосуд, представленный в «Отчете» на рис. 54, по словам А. А. Спицына, из красной глины, «покрытый черной краской». Высота 37 см, диаметр 48 см, диаметр венчика 22.5 см. Сосуд толстостенный, широкий, но с относительно узким отверстием. Наибольшая ширина брюшка в верхней половине. Дно слабо выражено; отчетливо выраженная шейка и резко отогнутый венчик. В картотеке Спицына имеются два наброска этого сосуда, причем он представлен с орнаментальным поясом из заштрихованных в разные стороны треугольников. На фотографии следов орнамента не заметно, а в «Отчете» о всех сосудах, найденных в ногах скелета, следовательно и об этом, сказано, что они «вовсе не имеют орнамента». В рукописном отчете говорится о трех сосудах, найденных в ногах скелета, но в описи значатся только два (13-б, 13-в); в печатном отчете глухо указаны «другие сосуда, стоявшие в ногах», со ссылкой на рис. 54 и 55. Однако сосуд, представленный на рис. 55, явно попал сюда по ошибке. Это сосуд, найденный в Майкопском кургане и, как мне любезно указал А. А. Иессен, до сих пор сохранивший этикетку о своем происхождении.

В ю.-в. углу могилы найдено два сосуда. Один из них, изображенный на рис. 56, — горшок с широким отверстием без плечиков. Тесто грязно-палевого цвета, грубое и хрупкое, поверхность плохой сохранности. Высота около 30 см, диаметр 32 см. Вместе с ним был сосуд (рис. 57), широкий с резко выраженными плечиками, относительно высоким прямым горлом и горизонтально отогнутым узким венчиком. Тесто грубое и хрупкое, буроватого цвета. Поверхность со следами лощения. Высота около 25 см, диаметр 31 см.

По форме и технике все эти сосуды сильно отличаются от керамики Майкопского кургана,¹ что лишней раз указывает на невероятность тесной хронологической близости Майкопского и III Разменного погребений.

В области шеи и груди скелета было собрано множество (около 5000) «белых костяных», а в действительности пастовых мелких бус (рис. 5, 1, 2). В «Отчете» они не воспроизведены. По форме бусы представляют кружки или цилиндрики диаметром от 2.5 до 4.5 мм при толщине в 1—2 мм. Такие мелкие белые бусы нередко встречались в ранне-скифских погребениях: в лошадином уборе обоих Келермесских курганов, раскопанных Веселовским, в I Костромском кургане, в Моздокском могильнике, в ранне-скифских погребениях Кашкатау, Заюково и др. На основании этих находок их можно признать характерными для архаическо-скифских погребений Северного Кавказа.

В одном из погребений (курган 27, погр. 4), исследованных В. А. Гордцовым на берегах р. Калмиуса и выделенных им в особую группу поздних ямных могил, «взято ожерелье из белых, желтых бусин, какие ни в древних ямных погребениях, ни в других изюмско-бахмутских погребениях со скорченными костяками ни разу не встречались; но они найдены в большом количестве Н. И. Веселовским в одном из курганов станицы Костромской Майкопского у. Кубанской области» (т. е. в III Разменном кургане). «Весьма возможно, — заключает по этому

¹ См. ОАК, 1897, стр. 10 р. 36—40.

пэводу В. А. Городцов», — что обе культуры [т. е. культура, представленная поздне-ямными погребениями р. Калмиуса и III Разменным кур-

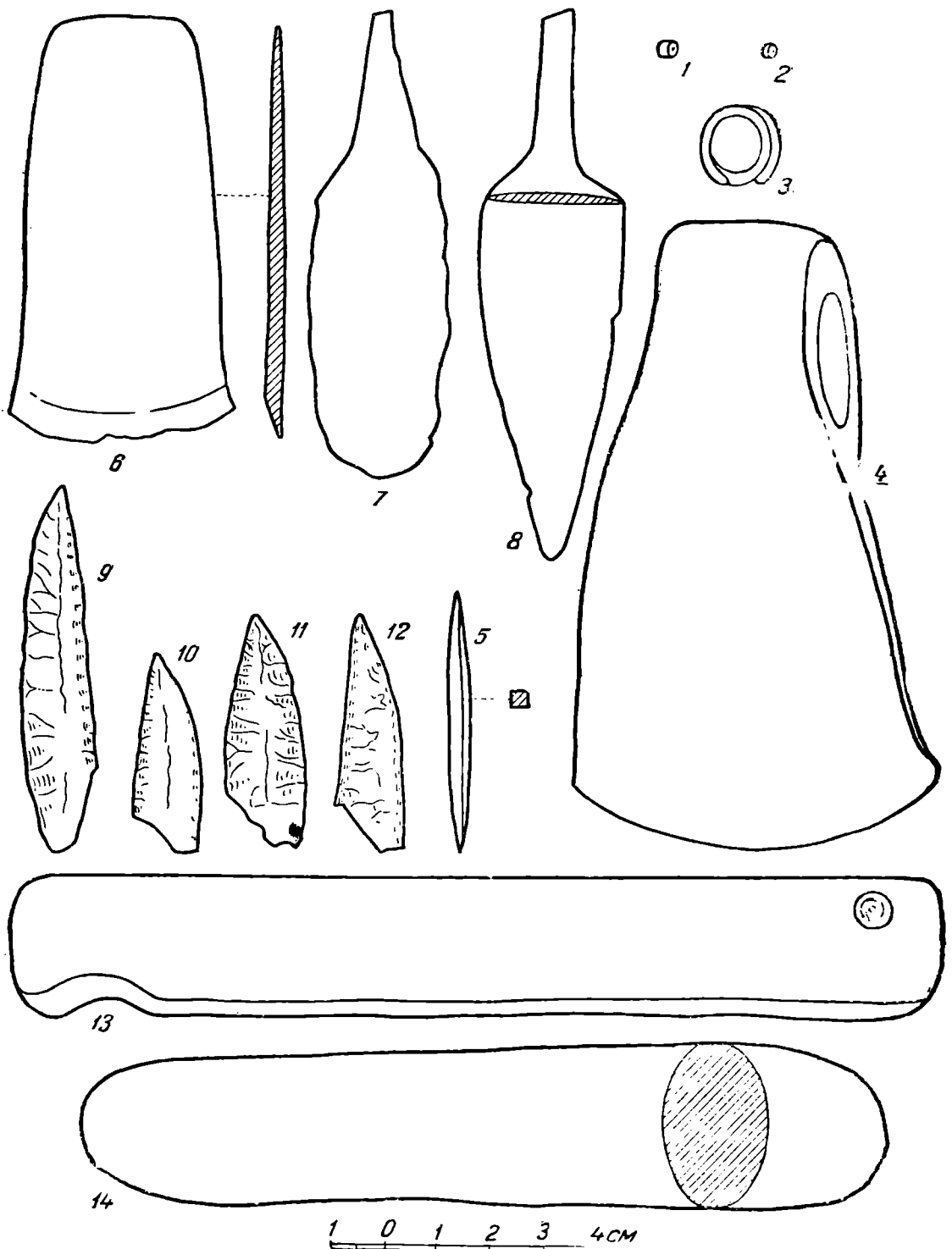

Рис. 5. Инвентарь погребения в III Разменном кургане.

гачом. — М. А.] синхроничны и одинаково относятся к концу бронзовой эпохи». ¹ Нам остается только присоединиться к этому заключению.

Довольно многочисленный металлический инвентарь рассматриваемого погребения состоит из: 1) золотого (бледного золота или электра)

¹ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском у. Екатеринославской губ. Тр. XII АС, т. I, стр. 240.

височного кольца, свернутого из проволоки так, что концы его далеко заходят друг за друга (рис. 5, 3). Диаметр 1.5—1.3 см. Толщина проволоки ок. 1.5 мм; 2) медного четырехгранного шила (в «Отчете» «стержень в виде иглы») с заостренным насадом; длина 5 см, толщина 0.3 см (рис. 5, 5); 3—4) двух медных же клинков (по «Отчету» копий) (рис. 5, 7, 8). Один листовидный с круглыми плечиками и плоским заостренным черенком; сечение чечевицеобразное, односторонне-выпуклое. Длина 10.4 см, длина черенка 3 см, ширина в плечиках 2.7 см, толщина до 0.2 см. Другой — с нижней отломанной частью, с плохо выраженными плечиками и треугольным черенком. Длина сохранившейся части 8.7 см, ширина в плечиках 2.3 см; 5) плоского топора или тесла (по «Отчету» «пальстав») с округленно расширенным лезвием и односторонне отбивкою; обушек заострен (рис. 5, 6). Длина 7.9 см, ширина лезвия 4.2 см, ширина обушка 3 см, толщина до 0.3 см. И, наконец, 6) массивного медного проушного топора с расширенным и округлым лезвием с выступающим в одну сторону концом (рис. 5, 4). Длина 11.2 см, ширина лезвия 6.9 см, ширина у проуха 3 см.

Большинство этих предметов, обычных в погребениях медно-бронзового века, в настоящее время еще не поддается точной датировке. Попытку А. В. Шмидта проследить развитие формы листовидных клинков (по его терминологии, копий) нельзя признать убедительной уже по одному тому, что она построена на незначительном количестве экземпляров и не охватывает всего известного материала.¹ Клинки различных, установленных им типов встречаются вместе в одном и том же погребении (напр. в VI Андрюковском кургане). Соотношение длины черенка к длине всего предмета, которое А. В. Шмидт положил в основу своей классификации, — признак совершенно ненадежный. Еще менее определенными в хронологическом отношении являются шилья и плоские топоры. Во всяком случае несомненно, что они, как и вышеотмеченные клинки, бытуют до самого конца медно-бронзового века и не могут служить доводом против предложенной выше датировки III Разменного кургана.

Остается проушный топор. Такие топоры, кроме III Разменного кургана, найдены в дольменах ст. Царской (3 экземпляра в I дольмене и один во II-м), в VI Андрюковском кургане (2 экземпляра), в I Псебайском, в курганах Саратовской, Махосhevской, Каменноостской станиц. Кроме того, известно значительное количество случайных находок такого рода топоров, особенно в бассейне р. Кубани от Нальчикского района до Таманского полуострова. Встречены они также в низовьях Дона и в несколько ином виде в Поволжье. На запад топоры сходного типа тянутся в Поднепровье и в Подунавье смыкаются с бронзовыми колунами венгерского типа. Массивные проушные топоры являются характерной принадлежностью «больших кубанских курганов» и не известны мне на Северном Кавказе ни в одном комплексе другого рода. Глубокая датировка больших курганов основывается между прочим и на сопоставлениях этих топоров с переднеазиатскими и крипто-минойскими параллелями. Нет сомнения, что сходные формы топоров на Востоке употреблялись с раннего времени, но аналогичных нашим там нет, и E. Dullo совершенно правильно связывает наши топоры только с венгерскими (трансильванскими) формами и датирует не раньше XVII в. до н. э.² На Северном Кавказе они могли жить очень долго. Очень важен с этой точки зрения топор, найденный вместе с листовидным, но уже не медным, а железным клинком

¹ ESA, IV, стр. 17.

² E. Dullo. Die kaukasischen Axte der Bronzezeit. Prähist. Zeitschr., XXVII, вып. 1/2, 1936, стр. 67, сл.

в одном из погребений в Бичкин-Булак (Астраханская обл.),¹ которое нельзя датировать старше начального этапа скифской эпохи, когда железо входит в употребление в Восточной Европе. Правда, топор, скорее даже секира, из Бичкин-Булука по типу отличается от топоров «больших курганов», но ведь и эти последние весьма существенно различаются между собой. Вместе с тем он представляет хорошее звено, связывающее медные клиновидные проушные топоры с такими же, но железными топорами-секирами, хорошо известными среди скифских памятников.²

Из каменных предметов в III Разменном кургане найдены: два оселка и четыре кремневых наконечника стрел. Один оселок, длинный призматический с закругленной выемкой на одной из боковых граней у нижнего конца; на противоположном конце с двух сторон незаконченные и несовпадающие центрами конические сверлины (рис. 5, 13). Длина оселка 17.4 см, ширина 2.3 см, диаметр сверлины 0.7 см. Второй оселок овального сечения, с закругленными концами (рис. 5, 14). Длина 15 см, ширина 3.1 см, толщина 1.9 см. Оселки нередки в больших курганах, но еще более они характерны для скифских погребений.

Кремневые наконечники стрел, обработанные с обеих сторон широкими сколами, а затем тонкой отжимной ретушью, отличаются асимметричной формой: один край более выгнутый, чем другой (рис. 5, 9—12). Длина одного наконечника 6.9 см, двух 4.4 и одного 3.8 см, ширина 1.5—1.3 см.

Сходные асимметричные наконечники в количестве 6 экземпляров найдены в передней камере I дольмена ст. Царской, причем здесь края их обработаны в виде мелких зубчиков. В других погребальных комплексах мне такие наконечники не известны. Вместе с тем нельзя не отметить их близкое, по крайней мере, функциональное сходство со скифскими бородчатыми стрелами, у которых один опущенный и заостренный нижний конец пера играл ту же роль, что и необычный у кремневых наконечников выступ с одной стороны пластины.

Итак, инвентарь погребения в целом, тесно связывающий III Разменный курган с группой «больших курганов» Прикубанья типа Майкопа, вместе с тем не содержит ничего, что заставляло бы отказаться от вышеизложенных положений о хронологической близости этого памятника со скифской культурой. В качестве указания на эту близость нельзя не отметить также и перекрытия могилы в виде каменного ложного свода, живо напоминающего каменные склепы боспорских курганов. Но само собой разумеется, что эта близость еще не дает окончательного решения вопроса о хронологическом месте «больших кубанских курганов» в целом.

Проблема «датировки больших кубанских курганов», столь остро поставленная безвременно погибшим Б. Е. Деген-Ковалевским, может быть решена путем исследования их отношения не только к скифским памятникам, но и между собой и к тем погребениям, которые с легкой руки А. В. Шмидта обычно объединяются в «средне-кубанскую» группу и датируются позже ранне-кубанских, или иначе «больших» курганов. Между тем, как я надеюсь показать в другой своей работе, группа «больших кубанских курганов» хронологически не однородна. Она охватывает весь медно-бронзовый век Северного Кавказа, и такие памятники, как Майкоп, Царская и III Разменный являются наиболее яркими представителями последовательных этапов его развития.

¹ См. выше статью И. В. Сяницына, стр. 147, рис. 7 и 8.

² См. напр., Бобринский, Смела, II, табл. XXV.—Ханенко. Древности Приднeпровья, вып. II, табл. III, 1929, а особенно секиру из Келермеса.

«Средне кубанская» группа не представляет собою особого периода этого развития, а в значительной мере является локальным вариантом культуры второй половины медно-бронзового века на Северном Кавказе, современным с более поздними «большими кубанскими курганами». Самым же поздним из последних был III Разменный курган у ст. Костромской.¹

¹ Наименование «Разменный» вводится мною во избежание путаницы с первым курганом той же группы, известным под названием «Костромской».